

Владимир ГАНДЕЛЬСМАН

Школьный вальс

ПУШКИНСКИЙ ФОНД
Санкт-Петербург • ММV

Владимир ГАНДЕЛЬСМАН

Школьный вальс
книга стихотворений

ПУШКИНСКИЙ ФОНД
Санкт-Петербург • ММV

Г 19
ББК 84. Р7

Марка издательства работы
С. Семенова

ISBN 5-89803-137-5

© В. Гандельсман, 2004

ШКОЛЬНЫЙ ВАЛЬС

*Давно, друзья веселые,
простились мы со школою,
но каждый год мы входим в этот класс.
В саду березки с кленами
встречают нас поклонами.
И школьный вальс опять звучит для нас.
Сюда мы ребятишками
с пеналами и книжками
входили и садились по рядам,
здесь десять классов пройдено,
и здесь мы слово «Родина»
впервые прочитали по складам.
Под звуки вальса плавные
я вспомнил годы славные,
любимые и милые края,
тебя с седыми прядками
над нашими тетрадками,
учительница старая моя.
Промчались зимы с веснами,
давно мы стали взрослыми,
но помним наши школьные деньки.
Плывут морями грозными,
летят путями звездными
любимые твои ученики.
Но где бы ни бывали мы,
тебя не забывали мы,
как мать не забывают сыновья...
Простая и сердечная,
ты — юность наша вечная,
учительница первая моя!*

*Слова М. Матусовского
Музыка И. Дунаевского*

Посвящение 1

Свежайшей книгой я порадую
тебя, мой друг,
так флоксы радуют парадную,
вносимые рукой отрадною
для лучших рук.

Ты, кошка из подвальной темени,
позолоти
глазами в лабиринте времени
мой путь, как золотится в Йемене
песок пути.

Высокочтимый друг изящества,
дарю пера
тебе своё искусство, начисто
переписав его, невзрачества
в нем нет. Пора!

Читай, мой преданный, не выпяти
дугой груди
себя, и ко взаимной выгоде
впади со мною в звук, и выпади,
и вновь впади.

Посвящение 2

Ты хочешь, мальчик, книгу счастья?
Бери, она
пусть разорвёт тебя на части,
а ты – её.

Ты хочешь, девочка, чтоб мальчик
про шалуна
тебе читал отмерзший пальчик
или моё?

Посвящение 3

В моей столь памяти столь многое сохранно,
что — *что* куда девать?

Не знаю, друг. Бывает, встанешь рано —
и начинаешь людям раздавать.

1. Матвеева, Зотикова и Антон

Юноша в небе летит,
с дерева он сорвался,
яркой весны разгорается аппетит,
солнце весеннее, алься.

С девочками двумя пойдем
за гаражи и снимем
трусики: с тоненьким петушком
я постою на синем

фоне небесном и погляжу:
лодочки девичьи!
Руки на лодочки положу.
Дни, как царевичи.

Юноша в небе летит,
быть ему без селезенки.
Кто там паяет и кто там лудит,
лесенки носят, и песенки звонки.

Кто петушков
лижет и ладит гирлянды?

Кто идет из кружков?
Кто встает на пуанты?

Маленьких балерин
белые кости.
Переверни глицерин.
Праздник и гости.

Мальчик, себя мусоль,
членистоногий, —
выпадет белая соль.
Боже, прекрасны Твои дороги.

2. Серебряков

...целует девку — Иванов!

Н. З.

А то ещё весна стократная,
и обморочных облаков
картина в лужах всеобратная.
Идёт домой Серебряков.

Два воробья сидят в числителе
на проводе, и, сократясь,
один слетает, чтоб не видели
его, в прожиточную грязь.

А тот другой ещё топорщится,
и водит тряпкой по доске
вдали забытая уборщица.
И жизнь висит на волоске.

Но как висит! Какие области,
Серебряков, какой просвет
под юбкою, какие полости
тебе обещаны, сосед.

Не ты ли вынимал под партою
проснувшегося воробья
и с ним затеивал азартную
игру, и восхищался я.

Весна стоит первосвященная,
и капли кровельных желез
стекают в рот. О, совершенная
жизнь, обретающая вес.

3. Кистанова

Кистанова, не падай в обморок,
и телом не лежи, как окорок,
лижи, Кистанова, в уме,
язык пришвартовав ко мне.

Ты завиваешь кудри чёрные,
ты в парикмахерской сидишь,
в уме коты хоть неученые,
зато цепные ходят, ишь.

И всё подходят и не милуют,
на выпускном балу насилуют,
и прямо в кресле ты бледна
и в обмороке холодна.

Болят соски мои нетленные,
а ты, бледна, полулежишь,
воображеньем люди пленные
дрожат, и ты как часть дрожишь.

На выпускном балу, Кистанова,
тебе сегодня не блистать,
но будет праздник, будешь пьяного
щекоткой локонов ласкать.

4. Белова

Зажатие в углу Беловой,
дыханье рыбное её,
когда дракон многоголовый
шершавых мальчиков облавой
теснит орущее сырьё.

Каким томливым слабоумьем
тот многохвостый, тот дракон
живёт и пышет многогубьем,
и многолапья многогубьем
задрать Белову хочет он.

И вот по позвонку от шеи
трещат крючки и с мясом рвут
сукно, о, тёмные аллеи,
в которых роют, плотью бляя.
Иван, я помню потный труд.

О, этот миг, когда, зажата,
сопротивление смирив,
она вдыхает пот солдата
из будущего, от обхвата
в себе почувствовав прилив.

О, этот миг, когда насилье
замрет моей Беловой встречь,
и вот в углу с повисшей пылью
молчанье, солнце, изобилье
секунд, не могущих истечь.

5. Александр Старший

Выходит Александр-копьеметатель,
самоуверен, мускулист,
голубоглаз, он весь артист
замаха и прекрасных дам ласкатель.

Заворожен наклонный профиль далью,
рука откинута, разбег,
ног перебор, копыя навек
лёт быстроблещущей горизонталью.

И смотрит златокудрая: вальяжный,
идёт, закончив бранный труд,
а наконечник входит в грунт
плотномягчайший, травянистовлажный.

6. Шарманка (1)

время, манная крупа,
крупные пакеты,
грецких шлемов скорлупа,
елочкой паркету,
время шкафчик отворить,
сухари нашарить,
время вермишель варить,
шкварки жарить,
обвалить в муке желток,
вычесть в чашку,
в коридоре счётчик, ток,
в нём вращающийся

7. Иван Иваныч

И ты, Иван Иваныч, потихоньку
и помаленьку,
давай-ка с палочкой, навывкате глаза,
глаза навывкате (а дворничиху Соньку
и мужа Сеньку
запустим стороной, как бы гроза,

грозящая тебе, Иван Иваныч), —
на середину!

О, Нестор, брызжущий слюною, похабель
для юных воинов дробливых, глядя на ночь,
воспенив ртину,
среди марта кутающийся в шинель,

давай, гони её сюда на сцену,
всади по локоть,
рукою руку преломив и сделав жест,
высвобождая юных воинов из плена —
о, эта похоть —
воображенщина дробливых ест!

«Мой, — говорит он, — дядя самых честных,
когда не в шутку,
он по сих пор заправил дворничихе, — так,
что дворник вытащить не мог», — от этих тесных
сношений чутко
вострились ушки и твердел пустяк.

«А то еще, — он говорит, — с одною
идем на площадь,
а я моряк, а ночь и мрак, а девка смак,
и вдруг она на спинку бряк и вверх копною,
и ржет, как лошадь».
«У-у, — люто зыблется, — какой стояк!»

Ах ты, Иван Иваныч, ах, Амелин,
мудак в запасе,
ведь Сонька с Сенькою тебя подстерегли
в параднике и задушили, Нестор-эллин.
Никто не спасся.
Нет дворников и пропиты рубли.

Но в небе юноша летит весеннем,
сорвавшись с ветки,
и копыеносец разбегается с копьём,
и по земле копые несется тонкотеньем,
и счастье в клетке
Серебрякова бьётся воробьём.

8. Матвеев

Пошатываясь, капитан Матвеев
ширинку расстегнёт и, на луну
уставясь и струёй златой проревя
во тьме, споёт ей «Широку страну».

Он весь из рюмочной, где пол-яичка
и килечку кладут на хлебец,
а после третьей вспыхивает спичка,
и полон ум таинственных нелепиц.

Алёна-дочь с женою Софьей Палной
уж верно спят, уж полночь на дворе,
и вот уж капитан опальный
сам спит, храпя под мухой в янтаре,

на кухне, не раздевшись, в кресле,
развесив руки и головой опав
на грудь, — так вот он, крестный
твой путь, Матвеев, о, ты пьян и прав!

Сегодня ты решил задачу смерти,
забыв немедленно, как ты решил её, —
мелькнуло: так же с остановкой сердца:
стук — бытиё, нестук — небытиё.

И легкость словно бы надула китель
и вознесла тебя под облака.
Дочь-школьница, Матвеев-небожитель
и Софья Пална с видом на века.

9. Тарховка (А)

Произрастения земли
и солнца захождения
непреходящий смысл несли
за телоограждения.
Когда я с Юдиной вдвоем
стоял в полуобъятии,
тритон, замерив водоем,
лежал там, как распятие.
И голубь, с Ноевых высот
слетев, всем Духом заново
явился Иордану вод
и зренью Иоаннову.
И он приноровил родство
свое ко мне бесценное
и вдунул жизни вещество
в лице моё, в лице моё.

10. Веранда бытия (а)

двери дверные
трели чудесные
скрипы лесные
звери земные
птицы небесные
рыбы морские

11. Классная баллада

Вержиковский сидит за Покровским,
три колонки, да первый урок,
да слепым Николаем Островским
худосочно-зачатый денек.

За последнею партою Мосин,
он читает «Кон-Тики» тайком,
это ранняя, думаю, осень,
так что думаю я не о том.

Пусть к доске нынче выйдет Елькова,
пусть расскажет чего наизусть,
я на поле смотрю Куликово
за окном. Поражение. Грусть.

Извлеки мне двусмысленный корень,
или в степень меня возведи,
душно мне, я в себе закупóрен,
возраст держит меня взаперти.

Вержиковский достанет свой ножик
и Покровскому в спину воткнёт
за Ларису Дьячук. Сколько ножек!
И ведь каждая линию гнёт!

И Лариса при ножках и с грудью,
и она возбуждает уже,
и склоняет людей к рукоблудью,
и любовь пробуждает в душе.

На собрании спросит директор,
осуждаем поступок ли мы.
Я не знаю, мне надобен вектор,
Вержиковский — мой друг с той зимы.

Ты на двух, говорит она, стульях,
Романовский, сидишь, говорит.
Стыдно мне, уж пушок есть на скулях,
а двуличен. В зеницах пестрит.

Осень туберкулезная наша!
Ты, Измайлов, за лето попрос.
То-то, видимо, плакала Саша,
когда лес вырубали берёз.

12. Шарманка (2)

в нём вращающийся
вращающийся с красной
меткой диска серебра,
с мельком цифры разной,
красный день календаря,
время отрывное,
время в стремя сентября,
в однокоренное,
просыпай секунды, сыпь,
как крупу, сквозь сито,
время-корь и время-сыпь,
время шито-крыто

13. Первое сентября

Аллея
и дворик типичный,
линейка
у серокирпичной,

и астры,
их запах сентябрьский,
прекрасный,
как голос, Синявский,

футбольный,
твой голос плацкартный,
и сольный
проход Эдуарда,

и лучик
из зелени боком,
как лучник
с зажмуренным оком,

уклейка
в извиве горящем,
калека
в вагоне курящем,

и лето,
и, пыльный и бывший,
столб света,
вагоны пробивший,

взять на зуб,
на ощупь и зреньем
ту насыпь
с её озареньем,

и солнце
в песчаном разбросе,
как голос:
умножу, не бояся,

умножу
песчинки прилива,
и ношу
ты примешь, счастливый, —

и только
все грани мелькнули
осколка,
как нас умыкнули.

14. Философия-I

Надо быть себя мгновенней,
чтобы подвиг совершить,
пусть решимость дуновений
ветра научает жить.
Всплеск души твоей не может
быть неправильным, душа
прежних мыслей не итожит,
умностью не дорожа,

и никто не господин ей:
ни философ, ни пророк,
проблеск в тонком слове «иней»
с ней сравним наискосок,
или вздрог вдоль слова «искра».
Ослепительно-ясна,
только проповедью быстрой
жизни высится она

15. Историчка

Агнесса Львовна кривляется,
передразнивая Иванова,
и окрыляется,
и кривляется снова,

она стоит подбоченясь,
и вокруг свеченье с
пылью мела,
Агнесса Львовна изгибает тело,

класс хохочет, урока
трать минуты, играй уroda,
в кубе воздуха тридцать три
человека с душой внутри,

Иванов с поршневою
возится ручкой, фрамуга
гарью залеплена с синевою,
и посматривают друг на друга

Корабейникова и Радостев,
не по возрасту радостев
половых знатоки,
да урчат в углях стояки,

да Агнесса Львовна,
Иванов она словно,
идиотничает в кривом пылу
жизни, да на полу

под доскою,
как солдат под Москвою,
тряпка лежит убитая,
окончательная, не даровитая.

16. Лирическое отступление

Спросишь ли, зачем фамилий
столько в книге и имен?
Я любитель избытий
исчезающих времен.
Скажешь ли, что ностальгия?
Нет. Я чистый лицедей.
Так считай же, до сколько я
довежу число людей,
восторгающихся ранним
утром, поздней ли порой
моим светлым дарованьем,
не закопанным в сырой.

17. Цикада

Двор, богиня, воспой с полукружием амфитеатра,
окнами нисходящего к саду с песочницей. Так!
Ночью становится он цирка ареной с незримым
карточным фокусником, раскладывающим
пасьянс:
окна то дамою вспыхнут, то королем, то валетом.
Утром раззолотится в них солнце, залюбовавшись
собой.
После уж Дмитрий в плесницах, подобно Гепесту,
умелец,
выйдет и лук смастерит и остроконечные стрелы.
(Сына Петрова трусливопобежного как-то,
прицелясь,
он поразит, и в прыжке над песочницей жертва
повиснет
в пятке с Гепеста стрелой и с мольбой на устах
о пощаде.)
Позже и Люся придет, и они удалятся в глубины
сада, где нет никого, но однажды среди летнего
полдня
я их увижу, лежащих в объятиях пылких
друг друга:
быстро под ними земля возростила цветущие
травы,
лотос росистый, шафран и цветы гиацинты
густые,
гибкие, кои богов от земли высоко подымали.
Там опочили они, и одел почивающих облак
пышный, златой, из которого капала светлая влага.

18. Шарманка (3)

деревянный гриб с носком,
время, мама, штопка,
папа, праздники, партком,
на комоде стопка
годовалая газет,
молоко на плитку,
повернуть ушко на свет,
послюнявить нитку,
за окном ночной трофей:
мокрых листьев ворох,
точит когти котофей
на мышиный шорох

19. Вечер

На третье в ночь. И тут же, третьего,
иду, и где-то за спиной
брат и сестра плывут Терентьевы,
обнявшись в ласточке двойной.
Каток полурасчищен Сонькою
и Сенькой, деревянный шарк
лопат доносится сквозь тонкую
снег-пелену, и чуден шаг.
Вечерние и благосклонные
часы прогулок и гостей,
висят продукты заоконные,
промерзнув до мозга костей.

На третье в ночь. О, вечер третьего,
и переулочек за Сенной
(Гривцова, что ли? да, воспеть его!),
и снег стеной, и снег стеной.
Со мною Леночка Егорова,
прекрасна и мгновенна плоть,
есть с чем расстаться мне, до скорого,
я говорю тебе, Господь.

20. Ночь

Чашки голубого снега,
северный фарфор,
послепраздничный ночлега
дом, и в окнах — двор,

лежа в радости простуды,
слышишь: ночь не спит
и под мертвый звон посуды
над столом висит,

над катком висит, и дальше,
и уходит ввысь,
спи, не слушай, мой редчайший,
гости разошлись,

а уж сколько было там их,
чудных, где, светла,
веселилась влага в граммах
рюмочек стола,

а уж сколько их топталось,
от подошвы снег
таял, таял, талость, талость,
разошлись навек,

светом из сосудов неба —
белого зерна,
медленных хранилищ снега
ночь — озарена.

21. Тарховка (В)

О, Юдина, о, полуббнятость,
уйдешь, тебя недораздев,
и эту общую приподнятость
несешь среди огненных дерев.
О, Юдина, часами поздними
я шел домой и думал так:
запомню навсегда под соснами
вмягчающийся в иглы шаг.
И ты представь себе: запомнилось
не столько то, чем сердце наполнилось, —
веранда светит, как фонарь
китайский, и ночная гарь,
и зубки белыми ягнятами,
и мед из уст твоих, и мед
под языком, и ароматами
Ливана дышит алый рот.
И если бы не пошлость, родинку
воспел над верхнею губой,

как пел рождественскую родинку
покойный Сирин, Бог с тобой,
и с Буниным, и с их лилеями.
Гуляя темными аллеями,
авось, сумею прах добыть
и пере- нас -захоронить.

22. Процесс

Торжеств юнейших тел,
касаний их и трений
участник, я грубел
по ходу тех мгновений
и проникал туда,
куда хотел проникнуть,
чтобы, огонь стыда
уняв, к себе привыкнуть,
ах, греческий божок
во мне другой разжег
огонь, труби, рожок,
и поднимай флажок,
ах, семяизвержение,
прекрасно тем, что мозг
в нем терпит поражение,
расплавившись, как воск,
чем жарче в черепной
коробке, как в плавильне,
тем и оно в цепной
реакции обильней,

тем изойдешь сильней,
пререплавляя порчу
рассудка в жизнь и почву,
пресуществившись в ней.

23. P.S.

Благо из благ —
встреча двух влаг.

24. Шарманка (4)

время, шорохи на дне
дома, лампа, тёмен
след от фото на стене,
мел каменоломен
городских, и снега мел
дуновеньем с жести
подоконника слетел,
козырь окон — крести,
за окном сизарь дрожит,
пригубивший пригубь,
да закатный луч лежит
как победный прикуп

25. Урок русского/литературы

Реальность явна, как корабль,
входящий в порт. Непререкаемо.
Сверканием по борту капль
и разгребаньем грабль река ему.
Реальность видит, как смотрю
в её лицо, и так же пристально
глядит на явленность мою.
В упор глядеть она и призвана.
Четыре серых и весна.
На третье в ночь, и одноногие
в порту краны́ — цапль прямизна —
чуть в области травматологии.
И есть ещё ночной бинокль,
где мир един в своей бесценности,
как если б пострадавших вопль
возник в гудке басовой цельности.
Как цапли две воды, тот сноб,
похожий на тебя, — на выдаче,
как ты, получит каплю в лоб,
на грабли ставши леонидыча.
И гласной праведной внушит
всему стихотворенью правильность
тройную, как тройне зашит
кристалл в оправленность.

26. На дачу

Ночная электричка с лязгом.
С искрой азарта.
У паровоза на Финляндском.
Ту-ту. До завтра.

Летят небесные атласы.
Лязг с нарастаьем.
У бюста Ленина. У кассы.
Под расписанием.

Вагонная скамейка с лоском,
и в черном чаде
мельк полустанков. За киоском
«Союзпечати».

Союзпечали видеть тамбур
слеза мешает.
Пусть ударения калáмбур
акцент смещает.

На дачу, в Мельничный, допустим,
Ручей. С девицей.
На юную с заветным устьем
не надивиться.

У паровоза. Здравствуй, Ленин!
У бюста. Чувство,
что ты кристален и вселенен,
король Убюста.

Нет, нет, неправда, до абсурда
еще далёко,
и красит нежным цветом утро
любимой око.

27. Рябинкова и Антон

Сношений первых воплощённый
друг-Рябинкова
так прыгает на неучёный,
небестолкова,

и так, любезная, елозит,
что неумелый
вот-вот сработает и вбросит
ей плазму в тело.

Развратница неотразима
в своей атаке,
как будто это Хиросима
и Нагасаки.

Ей мало в пламенной свободе
седлать и шпарить,
ей что-то надо, что-то вроде
догнать-ударить.

В каких хоромах состоялось
твое паденье?

Где неучёному стоялось?
Ночное бденье!

Полоска в талии загара
со следом скруток
резиночки, и круглых пара
в ладонях грудок,

и потолок в итоге плоский,
и смерть забавам,
и простыня, как флаг японский,
с пятном кровавым.

28. Веранда бытия (б)

твёрдость скалы
верткость змеи
рьяность огня
рваность зари
ствольность сосны
вольность меня

29. Под Новый год

В окне проезжие разбросы
волнообразных и бескрайних

снегов увидишь и раскосый
зеленогранник,

в чуть затуманенных, забитых
слюдою наледи, в которых
зеленогранник-ель и выдох
жилья в повторах,

в волнообразных и проезжих
полях мелькнет — и ты увидишь —
огонь, как золотой орешек,
вдали и выйдешь.

И вот она, платформа, хрустом
и вмятиной дана подошвы,
и дальше — сказанные чувством
снега: роскошны.

За мелкою решеткой (надпись
читаешь: «Горьковская») в свите
стоят деревья, как я рад из
вагона выйти

и знать, витой и синеватой
идя тропинкою на дачу,
что позже стих витиеватый
на них потрачу,

что лучший из поэтов в помощь
мне даст жизнелюбивой силы
и что со мною будет в полночь
любовь Леилы.

30. Шарманка (5)

рано утром все ушли,
вечером вернулись,
лампы в комнатах зажгли,
выжить извернулись!
Молится, летая, моль
над роялем,
грустная, как си бемоль,
над лялялем,
в ноты глядя, точно в даль,
ворожит сестрица,
нажимая на педаль,
чтобы звуком длиться

31. После школы

После полдня, от часа до двух,
возвратимся из школы.
Только нот мне не надо, на слух
проспрягаю глаголы.
Исключения — «гнать» и «держать»,
содержаньем убоги.
Будет время — отвыкнем дрожать.
Преломив слово в слоге,
с полуслова друг друга поймём,
и святое безделье,
обеззвучив, устроит объем
как святое бестелье.

Так уж запах нам пота присущ,
страх провала неумный?
Легче, легче, приверженец куш
райских, ангел бесшумный!

32. Пение и рисование

Весны подай сюда, но с фикусом — весны!
Пусть Пасынкова и Панферов
всей потностью дохнут возни, —
иду на шорох.

Что впереди у нас, что впереди у нас?
Учительница, научи нас.
Кто у дороги, раскричась?
О, это чибис!

Уроков пения и рисованья вдох,
с промытым небом над котельной, —
иконостас из синих трех
первоапрельной.

Еще верёвки, но с узлами, но фрамуг,
раззявивших косые пасти,
тяни, мой маленький, мой Мук,
и рви на части.

Вскрывая окна с треском, фикуса балласт —
вот фокус! — за борт, в кучи угля!
Панферов, дай ей грубых ласк,
её раскукля.

Чулоч с резинкою мелькнет и край трусов,
дверь, распахнувшись, включит тягу,
ветр путаницей парусов
взметнёт бумагу.

В весну — пока по позвонку бежит звонок, —
первоапрельную кричи «бис!»,
лети мне в клювике цветок,
волнуясь, чибис!

33. Времена года

Вот Мельникова Ира
сидит в луче косом,
струящемся как лира.
Свет солнца невесом.
С ней рядом Белякова,
алеет галстук-шелк,
она *всегда готова*.
Свет вспыхнул и умолк.
Васильеву Наталью
отсадят от меня.
Октябрь дохнет печалью,
осадки урона.
Любители кальянов
под дождик задымят.
Родненко, Емельянов.
Болгарский аромат.
Достать из пачки «Шипки»
одну и закурить,

увидев зимней зыбки
качнувшуюся нить.
Иль затянуться «Солнцем» —
и к форточке потёк
сходящимся уклонцем
синеющий дымок.
Потом, сугроб угробив,
приходят март, апрель,
и ты меняешь обувь,
носимую досель.
Потом гремят потоки
из водосточных труб,
и, прибывая, соки
квадрат возводят в куб.
Из девичьего мира
иди ко мне — любя
к тебе приближусь, Ира,
и обойму тебя.

34. Импровизация

А. Д.

Узнаю вокзал я Витебский,
помню, помню, на вокзал
за киоском тем, за вывеской
той малёванной шагал,

за квадратом красным, черным ли
мимобежного окна

жизнь ютилась, утки чёлнами
чуть покачивались на,

там жила моя любимая
в царскосельскости своей,
свежесть непоколебимая
мартом веяла ветвей,

ветви веяли дрожанием,
воздух в искренности был
собственным неподражанием,
леонидовичем сил,

но особенно вечерними
привкус гари был хорош,
сигарет и спичек серными
огоньками вспыхнув сплошь,

и летел по небу огненный
за составом след души,
с кисти жалостной уроненный
живописца из глуши,

ах ты, Витебский, немислимо
мне сегодня проезжать
всё, что вижу, и, завистливо
в полночь выглянув, дрожать,

и заглядывать за грань тоски,
с верхней полки спрыгнув жить.
Так ли, так ли, милый Анненский?
Выйдем в тамбур покурить.

35. Философия-II

Прими, грядущее, забывчивость
мою! Как ветви в голубом
плывут, забыв ветров завывчивость,
так, память, мы с тобой гребем:
спиною к финишной ленточке
на финишной из прямых,
по Малой Невке (той же Леточке),
при чувствах праздничных, при них.
Лицом к тому, что удаляется,
но проясняясь. То-то мрак
тобой и мной наутоляется,
когда, устав, затихнем, как, —
в колени лбы уткнув, угробившись
в дым на дистанции, в клочках
небесных вод, утробно сгорбившись, —
гребцы, — горошины в стручках.

36. Шарманка (6)

рыщет ли попятный тать?
свистопляшут черти?
Ничего не должен знать
человек о смерти.
Не его это ума
дело, без участия
человека смерть сама
разберет на части.

Поплывет душа, от нас
отделясь, над нами
слухом уха, зреньем глаз,
насыщена днями.

Послесловие 1

Екатерина Александровна,
вот перочистка, я её,
кружками вырезав материю,
сшивал и дал ей бытие.
Екатерина Александровна,
вот это прописи мои,
я букву А писал в них строчкою,
и буквы Б, В, Г, Д, И.
Екатерина Александровна,
тетрадь в линейчку сдаю,
в ней упражнения записаны,
там есть ошибки, не таю.
В ней промокашка розоватая
любима из последних сил, —
так нравится мне проступание
и расплывание чернил.
Екатерина Александровна,
я вижу совершенно Вас,
и адресую с юной робостью
Вам «Школьный вальс».

Послесловие 2

Олейников, что скажет критик?
Что скажет критик, Пастернак?
«Не из своих поэтик вытек!» —
вот что он скажет. Он дурак.
Люблю столбец Ваш, Заболоцкий!
Раскидовавший вдрызг мозги,
Гомер, люблю Ваш пафос плотский!
Нам с Вами не до мелюзги.
«Какой-то Йемен, — нюнит критик, —
путь, золотящийся песком...»
А я воскликну встречно: «Нытик!
Что в Йемене тебе моем?»

Послесловие 3

Свершив мгновенно подвиг ратный,
позволь мне попрощаться вдруг
с тобой, читатель всеобратный,
брат всечитающий и друг.

апрель-июнь 2003

Содержание

Посвящение 1.....	6
Посвящение 2.....	7
Посвящение 3.....	8
1. Матвеева, Зотикова и Антон	9
2. Серебряков	10
3. Кистанова.....	11
4. Белова.....	12
5. Александр Старший	13
6. Шарманка (1).....	14
7. Иван Иванович	14
8. Матвеев.....	16
9. Тарховка (А).....	17
10. Веранда бытия (а).....	17
11. Классная баллада.....	18
12. Шарманка (2)	19
13. Первое сентября	20
14. Философия-I.....	21
15. Историчка.....	22
16. Лирическое отступление	23
17. Цикада	24
18. Шарманка (3)	25
19. Вечер	25
20. Ночь	26
21. Тарховка (В).....	27
22. Процесс.....	28

23. P.S.	29
24. Шарманка (4)	29
25. Урок русского/литературы.....	30
26. На дачу.....	31
27. Рябинкова и Антон	32
28. Веранда бытия (б).....	33
29. Под Новый год	33
30. Шарманка (5)	35
31. После школы.....	35
32. Пение и рисование.....	36
33. Времена года	37
34. Импровизация	38
35. Философия-П.....	40
36. Шарманка (6)	40
Послесловие 1	42
Послесловие 2	43
Послесловие 3	44

В поэтической серии «Автограф» изданы:

- Б. Ахмадулина. Ларец и ключ
В. Салимон. Невеселое солнце
И. Лиснянская. После всего
Ю. Кублановский. Памяти
Петрограда
И. Бродский. В окрестностях
Атлантиды
Н. Кононов. Лепет
А. Пурин. Евразия и другие
стихотворения
Е. Шварц. Песня птицы на дне
морском
С. Гандлевский. Праздник
В. Гандельсман. Там на Неве дом...
В. Дроздов. Стихотворения
Л. Лосев. Новые сведения о Карле
и Кларе
А. Цветков. Стихотворения
Д. Новиков. Караоке
И. Жданов. Фоторобот запретного
мира
Т. Кириков. Парафразис
Е. Шварц. Западно-восточный
ветер
Б. Ахмадулина. Созерцание сте-
клянного шарика
В. Салимон. Красная Москва
В. Зельченко. Войско
Б. Кенжеев. Сочинитель звезд
А. Битов. В четверг после дождя
Л. Лосев. Послесловие
И. Лиснянская. Ветер покоя
В. Гандельсман. Долгота дня
Е. Шварц. Соло на раскаленной
трубе
Т. Кириков. Интимная лирика
В. Павлова. Второй язык
В. Кривулин. Купание в иордани
М. Ерёмин. Стихотворения
С. Кекова. Короткие письма
Б. Ахмадулина. Возле ёлки
Д. Новиков. Самопал
Т. Кириков. Нотации
В. Соснора. Куда пошел? И где
окно?
С. Гандлевский. Конспект
Б. Рыжий. И всё такое...
П. Барскова. Эвридей и Орфика
И. Лиснянская. Музыка и берег
Л. Лосев. Sisyphus redux
В. Дроздов. Обратная перспектива
Т. Кириков. Amour, exil...
В. Соснора. Флейта и прозаизмы
В. Гандельсман. Тихое пальто
В. Павлова. Линия отрыва
В. Коваль. Участок с Полифемом
Е. Шварц. Дикопись последнего
времени
Б. Ахмадулина. Пуговица
в китайской чашке
А. Поляков. Орфографический
минимум
Б. Рыжий. На холодном ветру
В. Соснора. Двери закрываются
С. Кекова. На семи холмах
П. Барскова Ари
М. Степанова. Тут – свет
М. Ерёмин. Стихотворения. Кн.2
С. Стратановский. Рядом с Чечней
А. Кушнер. Кустарник
Е. Тиновская. Красавица и птица
Т. Кириков. Шалтай-болтай
В. Гандельсман. Новые рифмы
О. Чухонцев. Фифиа
Л. Лосев. Как я сказал
Е. Шварц. Трость скорописца
Д. Шереметьев. Улика
В. Гандельсман. Школьный вальс

Все книги серий тиражом до 1000 экземпляров.
Для приобретения указанных книг обращайтесь в издательство по адресу:
191028, СПб., Моховая ул., 20, помещение журнала «Звезда».
Информация по телефону: (812) 273-37-24 факс: (812) 273-52-56

Г 19

Гандельсман В. Школьный вальс: Книга стихотворений. — СПб.: «Пушкинский фонд», 2004. — 48 с.

ISBN 5-89803-137-5

ББК 84. Р7

Гандельсман Владимир Аркадьевич
Школьный вальс
«Пушкинский фонд», Санкт-Петербург, 2004

Редактор *Г. Ф. Комаров*

ЛР № 071541 от 21 ноября 1997 года

«Пушкинский фонд»
191186, Санкт-Петербург, Набережная р. Мойки, 12

ПУШКИНСКИЙ ФОНД